

Глава 1

В узких проходах между стенами в трущобах Южного города завывал ледяной зимний ветер.

Лу Юйань пошевелил затекшими, потерявшими чувствительность пальцами и нанес на картину последний штрих — свою подпись.

Работа над этим свитком затянулась надолго. На тонком шелковом полотне в технике «тщательной кисти» была изображена женщина в белом ципао, нежно обнимающая двоих детей. Всего несколько точных, выверенных линий — и в ее опущенном взгляде, в легком наклоне головы оживала безграничная нежность, а прижавшиеся к матери малыши казались воплощением детской невинности.

Узнав о последней стадии рака желудка, Юйань отказался от всех заказов, извинившись перед клиентами и вернув предоплату. Врачи высказались предельно ясно: метастазы пошли по всему организму, бороться больше не за что, да и бессмысленно.

Лишь над этим свитком он продолжал трудиться, то и дело прерываясь от слабости. И все же, стиснув зубы, довел дело до конца. Эта картина была особенной — неоконченное наследие его покойной матери. Единственное и последнее, что они создали вместе.

По правде говоря, вышло не безупречно. Он ведь никогда не учился живописи по-настоящему — так, в детстве перенимал азы у соседа со скверным характером. К тому же правая рука была серьезно покалечена; как он ни истязал себя изнурительными тренировками, прежняя подвижность пальцев так и не вернулась. Рисование и без того давалось ему с трудом, а после страшного диагноза силы таяли с каждым днем.

Реставрировать и дописывать чужую картину куда сложнее, чем создавать собственную с чистого листа. Но он справился.

На бледных губах юноши скользнула едва заметная улыбка — редкая гостья на его лице. Черты его лица, яркие, резкие, порой казались даже угрожающими. Между бровей пролегал уродливый шрам шириной в палец. Юйань терпеть не мог улыбаться; диковатый, колючий, он всегда держался особняком, транслируя миру глухую агрессию. Окружающие шарахались от него: кто-то считал его нелюдимым грубияном, кто-то — неисправимым, испорченным до мозга костей хулиганом, кривым деревом, которое уже не выпрямить.

Но эта мимолетная улыбка разом смыла наносную жесткость. На его осунувшемся, исхудавшем лице проступила щемящая, беззащитная нежность.

Зима стояла лютая. В старой деревянной лачуге было лишь немногим теплее, чем на улице. Дряхлые стены почти не держали тепло. Юйань укутался так, что казался неуклюжим, но кончики пальцев все равно заоченели. Ветхая проводка в трущобах не выдерживала мощных обогревателей — сеть то и дело вырубало, да и до пожара было рукой подать, поэтому хозяин

жилья строго-настрого запретил включать любые электроприборы.

Соседи по коммуналке — развязная парочка — постоянно нарушали этот запрет, едва не устроив пожар. Снимавшая с ними комнату девчушка попыталась возмутиться, но куда ей было тягаться с хабалками? Ее не просто заплевали площадной бранью, но и припугнули физической расправой. Бедняжка полночи просидела на пороге, утирая слезы от обиды и страха. В ту пору болезнь еще не подкосила Юйаня. Он подстерег наглого ухажера в темном тупике и доходчиво объяснил правила общежития. После этого девчонку больше никто не смел обижать.

— Мяу... — донеслось тихое, жалобное пищание из-за окна, рама которого давно облупилась, обнажив грязно-бурую древесину.

За стеклом сидел рыжий кот. Припорошенный снегом, он глуповато щурил большие круглые глаза и настойчиво терся мордочкой о замерзшее стекло.

С сухим скрипом Юйань приоткрыл старую створку. Рыжий бродяга тут же протиснулся внутрь, отряхнул с шерсти снежинки и, усевшись на подоконнике, аккуратно обвил лапы хвостом. Он сразу потянулся к ладони юноши, ища ласки.

Однако Юйань нахмурился и мягко отстранил животное. Кот остался здесь от прежнего жильца, который просто бросил питомца на произвол судьбы. Сказать, что этот зверь был некрасив — значит ничего не сказать. Среди всех кошек, которых Юйань когда-либо встречал, этот экземпляр уверенно держал первенство по уродству: морда вытянутая, крысиная, шерсть клочьями. Драться он совершенно не умел — то лапу ему прокусят, то морду расцарапают, так что ходил бедняга вечно в боевых шрамах, облезлый и плешивый. С умом у него тоже были явные нелады: он, кажется, так и не сообразил, что хозяин квартиры давно сменился.

Для уличного кота излишнее доверие к людям — смертный приговор. Животные не умеют отличать доброго человека от двуногого чудовища. Юйань не хотел приучать его к ласке, поэтому раз за разом отталкивал.

Но глупый рыжий упрямец возвращался вновь и вновь, терся грязными боками о подол куртки и заискивающе мяукал, не понимая, что его уродливая мордочка от этих гримас выглядит еще карикатурнее. Когда он сидел смирно, в нем угадывалось хоть какое-то изящество, но стоило ему начать подлизываться — зрелище становилось невыносимо нелепым.

— Ну и дурак же ты, — тихо пробормотал Юйань.

"Когда меня не станет, что с тобой будет? Каким окажется следующий жилец? Вдруг ты так же глупо полезешь к нему ласкаться?"

Он ведь был таким нелепым, некрасивым, даже ластиться толком не умел — как ему разжалобить кого-то на миску корма? Вдобавок ко всему, совершенно беззащитный. Юйань не

раз видел его в окрестных подворотнях: даже сородичи презирали этого бедолагу. Кот вечно спасался бегством от местных свор, а когда его настигали, лишь жалобно скулил, не в силах дать сдачи.

На лице юноши отразилась глубокая печаль. Кто присмотрит за этим уродцем, когда его самого не станет?

Он не строил иллюзий. Жизнь приучила его не ждать от судьбы подарков. Все его двадцать лет напоминали чью-то злую шутку, расколовшую существование на две полярные половины.

До пяти лет он был долгожданным младшим сыном в семье Лу. Маленьким, капризным принцем, которому никто не смел отказать. Любящие родители, заботливый старший брат... Его буквально носили на руках. Из тех далеких времен в памяти остались лишь смутные, подернутые дымкой образы: заваленная игрушками комната и горы изысканных сладостей, названий которых он тогда еще не знал.

Но в пять лет все рухнуло. Он случайно упал в реку. Чудом выжил, течение унесло его далеко вниз по реке, где его подобрала бездетная супружка. Увидев крепкого, здорового мальчика, они загорелись грязной мыслишкой — оставить его себе. Поначалу они проявляли терпение, терпели его капризы и упрямый характер, надеясь, что ребенок привыкнет и назовет их мамой и папой.

Многие детали стерлись из памяти ребенка, но одно он знал твердо: эти люди ему чужие. В его сознании брезжил нежный мамин голос и широкая, надежная отцовская спина. Мальчик упрямо твердил, что они — не его родители.

Даже когда соседи и родственники похитителей наперебой убеждали его в обратном, он не сдавался.

Потеряв терпение, приемная семейка быстро охладела к бесполезному упрямцу. Выбросить на улицу боялись — всплывет похищение, оставить в доме — обуза. В итоге его заперли в чулане.

Маленький баловень судьбы оказался на редкость тверд духом. Как его ни ломали, он не проронил заветных слов. В памяти навсегда отпечатались этот склеп: крошечная тьма, сырость и холод. Единственным источником света в тесной каморке было крошечное окошко под самым потолком.

Тогда тоже бушевала метель. Ледяной бетонный пол сквозь жидкую одежку высасывал последнее тепло из детского тела. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь мутное стекло, рисовал на полу крошечный светлый квадрат — его единственное спасение.

Мальчик изо всех сил сжимался в комочек в этом крохотном пятнышке света, точно брошенный щенок.

Он рос изнеженным ребенком, панически боялся боли и холода. Но упрямство брало верх.

"Моя мама — самая нежная на свете, — шептал он сквозь стук зубов, обхватив руками худые колени. — А папа — настоящий герой. Он сильный, он обязательно меня найдет. Мне нужно только еще чуть-чуть потерпеть"

Дрожа от холода, он смотрел в окно на раскидистый вяз и пытался обмануть себя. Будто ничего страшного не произошло, будто сейчас дверь распахнется, и мама с папой со слезами на глазах прижмут его к себе.

Но чудо не происходило.

Лишь мороз медленно, дюйм за дюймом, сковывал его кровь.

Под конец сознание начало угасать. Сами страдания со временем стерлись из памяти, но он отчетливо запомнил узловатые, искривленные ветви дерева, закрывавшие почти весь обзор из маленького окна. Он знал, что это за дерево. Вяз. Папа посадил такой же во дворе их дома, и из окна его детской спальни тоже виднелась раскидистая крона.

Глядя на эти ветви, он верил, что находится дома.

После нескольких дней тяжелой лихорадки похитители испугались, что живой товар погибнет, и поспешили сбыть его с рук, чтобы вернуть потраченные на его содержание гроши. О годах, проведенных в бесконечных перепродажах, Юйань старался не вспоминать. Стоило оживить в памяти те дни, как на грудь ложилась удушливая, непроглядная тьма.

Выжить помогала лишь слепая вера: родители ищут его. Они обязательно найдут его, прорвутся сквозь этот мрак.

Но шли годы. Борьба за кусок хлеба высасывала все силы, и воспоминания о родном доме блекли. Он стер имена близких, забыл их лица. Со временем он перестал ждать. Нет надежды — нет и боли.

А потом его спасла Ван Жу. Позже она вышла замуж за Ли Фанцзя, и Юйань стал приемным сыном в этой семье.

Они перебрались в город. Ван Жу по мере сил пыталась защитить мальчика, но сама регулярно ходила битой пьяным мужем. Юйаню, тогда еще совсем ребенку, приходилось самому закрывать ее собой, чтобы отчим не забил женщину до смерти.

Когда Ван Жу родила Лэлэ, наступило недолгое затишье. Жить стало немного легче, хотя Юйань чувствовал себя в этой семье абсолютно лишним. Ради Лэлэ — единственного продолжателя рода — Ли Фанцзя даже перестал пропивать всю получку и приносил деньги с

завода домой.

Каждое утро, едва брезжил рассвет, маленький Юйань пододвигал к плитам табуретку, карабкался на нее и грел воду для всей семьи, а повзрослев, взял на себя и готовку.

Но шло время, и Лэлэ развивался как-то странно. Он явно отличался от сверстников. Юйань уговорил Ван Жу показать мальчика врачам. Вердикт оказался суровым: задержка умственного развития. Чтобы болезнь не прогрессировала, требовались дорогие лекарства.

Финансовое положение семьи, и без того шаткое, стало катастрофическим. Ли Фанцзя сорвался окончательно. Во время его пьяных дебошей Ван Жу закрывала собой детей, ее тело покрывали вечные синяки и ссадины. Так продолжалось до тех пор, пока подросток Юйань не схватился за нож и не вонзил лезвие в стол в паре сантиметров от пальцев отчима. Лишь тогда мерзавец поумерил пыл.

Чего он тогда не знал, так это того, что происходило в его настоящей семье. Через год после его исчезновения здоровье его матери резко ухудшилось — сказались последствия ледяной воды, куда она бросилась, спасая сына. По совету старого друга семьи отец, сверив гороскопы, взял из приюта мальчика того же возраста — Лу Юйнина.

Словно по волшебству, это помогло. С появлением Ниннина матери стало легче, приемный сын сумел унять ее тоску по потерянному первенцу. Последние годы ее жизни прошли в относительно покое, в дом вернулся смех.

Когда мамы не стало, Лу Юйнин остался в семье Лу. Его послушание, мягкость и чуткость залечили душевные раны отца и старшего брата.

И шаг за шагом стерли любые упоминания о Лу Юйане. Из их жизни исчез один сын, уступив место другому.

А затем его нашли и вернули. Лу Чжэнцин разительно отличался от вечно пьяного отчима; он воплощал в себе все идеальные представления об отце. Когда Юйаня забрали из трущоб, его сердце наполнилось детским обожанием и трепетом. Первое время он был искренне счастлив, наслаждаясь возвращением домой.

Пока не осознал страшную истину: в этой счастливой семье из трех человек он был лишним. Их гармония колола глаза, ранила сердце. Он понимал, что завидовать низко, что нужно быть благодарным Лу Юйнину за то, что тот утешал отца и брата все эти годы. Но разум пасовал перед чувствами. Ревность, точно степной пожар, выжигала его изнутри.

У Лу Юйнина были безупречные, холеные пальцы. Он легко пробегал ими по клавишам рояля — того самого инструмента, на который Юйань в детстве мог смотреть лишь сквозь стекло витрины магазина. Юйнин извлекал чарующие звуки и с легкостью читал нотные знаки, казавшиеся Юйаню китайской грамотой.

Собственные же руки Юйаня были грубыми, покрытыми шрамами и мозолями. Единственное, что они умели делать безупречно — это бить так, чтобы противник валился с ног без единого внешнего следа.

Юйнин блистал успехами в лучшей гимназии города, тогда как Юйань прозябал в захудалой районной школе под сочувственные вздохи учителей.

Он чувствовал себя гадким утенком, лишенным даже права на чистую, не отравленную завистью душу.

Он ревновал. К тому, как ласково и одновременно строго отец наставлял Юйнина. К теплой улыбке старшего брата, когда тот играл с Юйнином в баскетбол. К их безмолвному пониманию за семейным ужином.

Они трое были окружены невидимым куполом, пробить который Юйаню было не под силу. С ним же отец и брат общались натянуто, неловко подбирая слова.

Юйань из кожи вон лез, совершал глупости, лишь бы привлечь внимание отца, заслужить его одобрение. Но чем больше он старался, тем глубже увязал в пучине зависти.

Отношения с Юйнином стремительно портились. Окружающие смотрели на Юйаня как на чудовище — неблагодарного дикаря, который прикрывается кровным родством, чтобы изводить невинного, хрупкого приемного сына.

В глазах отца застыло лишь глухое разочарование. А ведь Юйань всего лишь хотел, чтобы на него посмотрели. Чтобы его заметили.

В год выпускных экзаменов его разум был отравлен обидой, а травмированная рука подвела в самый ответственный момент. Экзамены он с треском провалил. Хватило баллов лишь на заштатный колледж. Отец и брат — блестящие интеллектуалы — не могли понять этого позора. Юйань стал паршивой овцой в благородном семействе.

На его фоне Лу Юйнин, поступивший в престижнейшую академию художеств страны и ставший любимым учеником великого мастера, казался настоящим сыном Лу Чжэнцина.

Совершенство Юйнина лишь подчеркивало убожество Юйаня.

Они не уживались. Ссоры вспыхивали одна за другой, пока совместное проживание под одной крышей не стало пыткой. Юйань прекрасно понимал, что Юйнина никто выгонять не станет. Значит, уйти должен он сам.

Даже ярость отца, заявившего в спину: «Уйдешь — забудь дорогу назад!», не остановила его. Останься он там еще хоть на день, и ненависть толкнула бы его на непоправимое. Он не хотел

опуститься на самое дно и окончательно лишиться остатков уважения близких.

Три года назад он переступил порог этого Поместья клана Лу со старым чемоданом в руках и замирающим от страха сердцем. Три года спустя он ушел оттуда с тем же чемоданом, разбитый и опустошенный. Единственное, что он унес с собой из родительского дома — неоконченную картину матери.

Его уход прошел незамеченным. Как он и думал, никто не проронил ни слезы. Отец ни свет ни заря уехал на совет директоров, брат повез Юйнина на плановый медосмотр. Когда Юйань катил свой чемодан через парадный холл, в огромном пустом доме стояла мертвая тишина.

С тех пор он действительно ни разу не переступил порог отчего дома. Уроки соседа-художника не прошли даром: его рисунки неожиданно обрели популярность в сети. Заказов вполне хватало на жизнь. Даже когда раздался гром среди ясного неба и врачи озвучили диагноз, Юйань смог оплатить счета за лечение, обналичив трастовый фонд, оставленный матерью.

А семья Лу жила так, будто его никогда и не существовало. Никто ни разу не попытался его найти.

О болезни он им не сообщил. Хотя поначалу порывался. Получив на руки результаты анализов, он впал в панику. Первым его инстинктом было закричать, позвать отца, брата... Но трубку никто не взял. Под проливным дождем он примчался к воротам Поместья клана Лу и простоял там весь день, не решаясь войти. К вечеру из ворот выехала машина секретаря Ду, приехавшего за документами. Встретившись с Юйанем взглядом, Ду Юньчжи посмотрел на него с горькой жалостью и обронил, что господин Лу с сыновьями улетели за границу в семейный отпуск и вернутся нескоро.

Тогда Юйань просто развернулся и ушел. Больше попыток он не делал.

Но сегодня... Сегодня у отца был день рождения.

Он отчетливо помнил, как мама втайне от всех усаживала его рядом и они вместе готовили этот свиток — сюрприз для папы. Она часто шептала ему, поглаживая по голове, что у отца и брата слишком вспыльчивый нрав, поэтому им двоим нужно быть терпимее и заботиться о них.

Жаль, мама не успела дописать картину.

А папа и брат, как выяснилось, в его заботе никогда не нуждались.

И все же он должен был исполнить последнюю волю матери.

Времени у него почти не осталось.

Свиток был небольшим. Аккуратно сняв шелковое полотно с подрамника и наскоро оформив его, Юйань бережно уложил картину в рюкзак. Рядом лежала толстая папка с историей болезни. На мгновение он занес руку, чтобы выложить медицинские документы, но замер.

Приняв неизбежное умом, сердцем он все еще малодушно цеплялся за надежду: вдруг в последние минуты близкие окажутся рядом? Ему тоже было страшно.

Перед уходом Юйань переоделся. Снял привычный спортивный костюм и облачился в строгий белый пиджак и брюки. Хотя в просторной спортивной одежде ему было куда удобнее.

Но в этом костюме он хотя бы внешне походил на члена семьи Лу.

<http://bllate.org/book/19801/1973712>